

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

А.Г. Пушкарский
ПРОБЛЕМА АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ В ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ЛОГИКИ*

На примере некоторых исторических фактов, связанных с историей обсуждения природы аналитических и синтетических суждений в логике, показывается, что представления об их статусе существенным образом зависят от принятого образа логики. Также обсуждаются вопросы применения образного и поризматического подходов в методологии истории логики.

On the example of some of the historical facts connected with the history of discussion about the nature of analytic and synthetic propositions in logic it is shown that the views on their status are strongly dependent on the accepted image of logic. Also the problem of the use of imagery and porismatic approaches in the methodology of history of logic.

Ключевые слова: история логики; образ логики; аналитические и синтетические суждения; синтетические суждения *a priori*; концепция логики Н.О. Лосского; интуитивизм; концептуальный прагматизм; философия логики У.В.О. Куайна; поризматическая модель в истории логики.

Keywords: history of logic, image of logic, analytic and synthetic propositions, synthetic propositions *a priori*; concept of logic of N. Lossky, intuitionism; conceptual pragmatism, philosophy of logic of W.V.O. Quine; porismatic model in the history of logic.

* Статья выполнена при поддержке РФНФ, проект №10-03-00745а "Логика в России: спор А.И. Введенского и Н.О. Лосского"

Пушкарский А.Г. Проблема аналитических и синтетических суждений в истории и философии логики // Рацио.ru. 2012. № 8. С. 172-197.

В одной из наших работ [14] была высказана идея о том, что проблема аналитических и синтетических суждений принадлежит к числу «вечных» философских проблем. В ней кроме всего прочего речь шла об одной малоизвестной книге Н.О. Лосского «Аналитические и синтетические суждения, и математическая логика», о реакции на нее и ее непростой судьбе. Как видно из названия она посвящена одной из самых дискуссионных проблем, как логики, или точнее логической семантики, так и в философии математики, а именно природе аналитического и синтетического знания. Для Николая Онуфриевича она стала продолжением его длительного спора о природе логики с его учителем Александром Ивановичем Введенским, который продолжался много лет с конца XIX века и до 1922 годом, когда вышла его книга «Логика» [9], где наиболее полно была представлена его концепция логики и гносеологии. Анализ и реконструкции данного и без сомнения интереснейшего момента в истории отечественно логики посвящена работа В.С. Поповой «Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века». В ней вопрос о природе аналитических и синтетических суждений в логике является одним из центральных: «Главное разногласие учителя и ученика по этому вопросу состоит в том, что Н.О. Лосский *вообще отрицает* аналитические суждения и всякое учение о них, А.И. Введенский же уверен в их существовании и даже, как было указано выше, на магистерском диспуте Лосского квалифицирует главное положение его работы как аналитическое суждение» [11, с. 58]. Т.е., Лосский полагает, что в действительности аналитических суждений не существует, предлагает изгнать из логики и гносеологии любые упоминания о них. Кратко говоря, он утверждает, что любые логические связи являются онтологическими, и как «связь осно-

вания и следствия» они имеют «необходимый характер» [9, с.71]. Онтологические же связи имеют принципиально синтетический характер, и поэтому в логике принципиально существуют только синтетические суждения.

В 1927 году, когда Лосский находился уже в эмиграции, его «Логика» была переведена на немецкий язык его другом В.Э. Сеземаном¹. В этом же году в одном из ведущих американских философских журналов *The Journal of Philosophy* появилась рецензия на нее, написанная крупнейшим американским философом Кларенсом Ирвингом Льюисом (1883-1964). Докторская диссертация Льюиса называлась «Место интуиции в системе знания» (1910), и, видимо, ход мысли Лосского оказался ему к какой-то степени близкими. Во всяком случае, он довольно благосклонно оценивает «Логик» Лосского: «Эту книгу обладает таким необычайным достоинством, что ее с большим интересом может прочитать любой студент философии, занимается ли он логикой специально или нет. Такой особенно привлекательной ее делает, во-первых, искренность и интеллектуальная мощь мышления автора. Во-вторых, несмотря на название, ее вряд ли можно рассматривать как руководство по логике, и скорее она представляет собой развитие определенных эпистемологических и метафизических концепций путем обстоятельного и тщательного их приложения к различным проблемам логики. Таким образом, данная «логика» по духу, своим задачам и значению наиболее близка к монументальной работе Бозанкета². Сам автор определяет свои взгляды как «идеалистический интуитивизм», который

¹ Василий Эмильевич Сеземан (1884-1963) – «русско-немецко-литовский» философ, друг Н.О. Лосского, начинал как неокантианец. Более подробно о Сеземане см. [16, с.30-41].

² Имеется в виду книга английского философа-идеалиста Бернарда Бозанкета «Основания логики» (1885, русс. пер. 1914).

с одной стороны близок современному трансцендетализму и феноменологии Гуссерля, а с другой американскому неореализму» [21, p. 665]. Отметим, что автор обзора очень точно подмечает сходство философской концепции Лосского и английского неогегельянства. Однако, как нам представляется, философия Лосского, изложенная в его основных работах «Мир как органическое целое» и «Обоснование интуитивизма», имеет много общего не только с Бозанкетом, но и в значительной мере с философской и логической концепцией «главы» английского идеализма Ф.Г. Брэдли, работы которого, кстати, никогда на русский язык не переводились.

Позволим себе привести еще одну обширную цитату из данного обзора, где Кларенс Ирвинг, так характеризует логическую теорию Лосского и его философскую концепцию, на которую эта теория опирается: «Отношение субъекта и предиката, также как и посылки к заключению, есть отношение основания к следствию которое может осознаваться непосредственно, поскольку оно является онтологическим элементом реальности и таким образом может быть дано правильно ориентированному разуму. Акт внимания, и т.д., принадлежит субъективной стороне познания, которая есть функция индивидуального разума, и принадлежит области психологии. Содержание познания включает как универсальные и идеальные элементы, и все необходимые отношения, так и чувственные или эмпирические. Это содержание есть объективная и онтологическая сторона познания, и относится к области логики, как изучению объективной структуры познания.

Любая теория познания, опирающаяся на непосредственную интуицию, сталкивается с двумя трудными проблемами: как отличить универсальное и необходимое от случайного, и проблема ошибки. Если

содержание познания всегда непосредственно дано то, как отличить существенное и необходимое от просто частного случая? И если любое знание нам всегда дано, а то что дано всегда реально, как возможны ошибочные суждения?

Ответ Лосского на первый вопрос невозможно кратко охарактеризовать достаточно ясно, этот вопрос он рассматривает с особой тщательностью и то и дело возвращается к нему, но можно сделать некоторые замечания общего характера. Предположение, что данное как таковое всегда частично и случайно, является постоянно преследующим эмпиризм заблуждением. Кроме пространственно-временного аспекта, или момента, индивидуальных вещей и событий, существует транс-пространственный и транс-временной момент единства и системности их взаимосвязи. Это свойство системности включает в себя казуальные отношения и все необходимые взаимосвязи. Такое идеальное единство является объектом не-чувственной интуиции и будет основанием всех общезначимых суждений о необходимой связи. Таким образом, Мировой Логос становится онтологическим объяснением мира как космоса, а не хаоса, и соответственно основанием всех логических суждений» [21, р. 666-667]. Затем автор обзора замечает, что «Одна тема произвела на автора обзора особое впечатление, и ней хотелось бы упомянуть особо. Это аргументация автора против множественности причин в пользу доктрины, утверждающей, что необходимая связь действует как из будущего в прошлое, так и наоборот. И делает он это исключительно искусство и убедительно» [21, р. 667].

Странно, что Льюис не критикует, и даже не обсуждает концепцию аналитических - синтетических суждений у Лосского. Ведь у него самого аналитические суждения служат одним из основных фундаментом познания! Дело в том, что Льюис являются созда-

телем одного из наиболее оригинальных направлений в американском прагматизме, известного как «концептуальный прагматизм», и несмотря на определенное сходство другими видами прагматизма и неопозитивом, во многом с ними расходится. По мнению Т.И. Хилла, он «разработал более ясный и строгий тип прагматизма, чем те, которые были развиты до сих пор» [18, с. 338]. Очень кратко его философскую концепцию можно выразить следующим образом, философия, по словам самого Льюиса – «это систематизирующая эпистемология», а «основная проблема метафизики – это проблема выбора категорий» [23, р.10]. Что это означает? По мнению Льюиса, принятие концептуального каркаса нашего познания и, соответственно, базовых логических понятий и логической системы, существенно зависит от нашего выбора прагматических критериев и предпочтений. Он полагает, что «мыслим любой возможный мир, каким бы образом ни мыслился актуальный мир или реальность в ее целокупности» [22, р. 56]. Однако, в рамках принятого концептуального каркаса нашего познания, все высказывания вполне возможно разделить на аналитические и синтетические. И в этом концепция Льюиса согласуется с логическим позитивизмом. Однако, на деле, его теория высказываний глубже и изощреннее. Он считает, что любой термин, логическая функция или высказывание имеют значение четырех различных форм. Так, он рассматривает высказывание с точки зрения, во-первых, его денотата или объема (*extension*), во-вторых, его «охвата» (*comprehend*), в-третьих, *сигнификации* (*signification*) и, наконец, с точки зрения его содержания, или *интенционального значения* (*intension*). Объемом высказывания является «класс с одним элементом – действительным миром, в случае, если высказывания истинно, и пустой класс в том случае, когда оно ложно» [22, р. 57]. «Высказывания *охватывает* лю-

бой непротиворечиво мыслимый мир, включающий в себя состояние вещей, обозначаемое данным высказывания» [22, р. 57]. Сигнификатом высказывания будет «положение дел (*state of affairs*), обозначаемое данным высказыванием» [22, р. 51]. А «содержание (*intension*) данного высказывания включает в себя все его следствия» [22, р. 55] или «все то, что должно быть истинно для любого возможного мира, для которого данное высказывание истинно или применимо к нему» [22, р. 56]. Аналитические высказывания составляют каркас любого эмпирического знания. Определение их статуса зависит главным образом от их интенционального значения. Льюис утверждает, что «аналитическое высказывание есть такое высказывание, которое выполнялось в любом возможном мире или было бы применимо к нему; и, таким образом высказывание, «охват» (*comprehend*) которого является универсальным, а содержание, соответственно нулевым» [22, р. 57]. Обладая нулевым содержанием, они независимы от любого опыта и являются априорными, в том смысле, что не накладывают никаких ограничений на любой мыслимый мир. Тем не менее, они обладают «аналитическим значением», которое будет значением сложных выражений, «содержание которых составлено из интенциональных значений образующих их элементов и из их синтаксического порядка» [22, р. 58]. Синтетические же высказывания, по мнению Льюиса, находятся между аналитическими и противоречивыми высказываниями, т.е. такими, «которые имеют нулевой охват и неприменимы или не выполняются ни в каком непротиворечиво мыслимом мире» [22, р. 57]. Синтетические высказывания наиболее всего связаны с эмпирическим знанием. Однако, и здесь он существенно расходится с неопозитивистами, полагая, что ни полная верификация, ни полная фальсификация таких высказываний невозможна [22, р. 254]. Возможна только их частичная

верификация. И, видимо, в этом смысле Льюис называет себя «примитивным кантианцем», поскольку в определенном смысле принимает кантово положение о существовании вещей в себе. А вот кантовскую концепцию априорных синтетических суждений он отвергает: «Не существует синтетических высказываний априори истинных» [22, р. 38], решительно критикует ее [см. 22, р. 158].

Следует отметить, что России К.И. Льюис больше всего известен логикам как признанный «отец» современной модальной логики, и хотя он сам ни логиком, ни, как мы видели, логическим позитивистом не был, хотя на многих из них оказал значительное влияние. Первые системы модальной логики ($S_1 - S_5$) были созданы им в попытке противопоставить экстенциональному методу построения логики Б. Расселом, университетский курс которой Льюис читал сам, интенциональный. Т.е. в попытке адекватно эксплицировать отношение логического следования с учетом интенциональных характеристик высказываний, которые, как мы видели, были для него наиболее важными для высказываний и тем самым избежать так называемых парадоксов материальной импликации классической логики, Льюис разработал логику, которая теперь известна нам как модальная. Небезынтересно отметить, что хотя Льюис и разделял мнение Рассела о том, что аналитические высказывания включают все истины математики, сам Рассел обвинял Льюиса в логической некомпетентности, поскольку, по его мнению, модальные понятия не могут относиться к высказываниям, а только к пропозициональным функциям.

Вернемся на некоторое время к концепции аналитического/синтетического знания Лосского. Уже, будучи в США он пишет небольшую работу, посвященную философскому статусу математических суждений - «Аналитические и синтетические суждения, и

математическая логика», которая была опубликована только в 1953 году³ и получила рецензии в ведущих логических журналах *The Journal of Symbolic Logic* и *Studia Logica*. Автор рецензии в первом из них, Кристофер Блэйк, сначала цитирует Лосского: «Все высказывания (propositions),» - пишет автор, «имеют синтетическую структуру. Аналитические суждения ... не существуют в реальности». Затем пишет следующее: «Многое в его небольшой работе привлекается для распространения этого утверждения на теорию логики (называемую автором «comprehensivism») и обоснования его при помощи интуитивистской теории познания⁴» [20, p. 291]. И далее обвиняет Лосского в полном не понимании современной логики: «Очевидно, что автор не вполне определенно представляет то, что логики должны были бы делать, тем не менее, он осуждает их за то, что они делают. А именно, стараются изучать формы лишённые содержания (как, например, в истинностно-функциональном анализе), что «далеко от плодотворного мышления» и поддерживает ложную философию, которая видит логику и математику как «тавтологии». И это в полной мере относится и к традиционной логике, поскольку для Лосского ее доктрина неверна в той же степени, как и ее современные наследники в принятии экстенциональной трактовки логики. Тем не менее, он остается в убеждении, что «любые истины» (т.е., включающие все высказывания науки, логики и чистой математики) имеет структуру «S есть

³ К сожалению, поиски этой работы (N.O. Lossky. *Analytic and synthetic propositions and mathematical logic*. International Universities Press, Inc., New York 1953, 16 pp.) так и не увенчались успехом. Она отсутствует как в библиотеках крупнейших немецких, так и американских университетов.

⁴ Автор употребляет выражение «intuitionist theory of knowledge», что может внести определенную путаницу. В русской философской терминологии резко различаются термины «интуиционизм» и «интуитивизм».

Р». Данная структура раскрывает (реальные) формы, но которые нельзя отделить от их содержания, и которые придают всем высказываниям и выводам «синтетическую необходимость следствия». В высказываниях, эта «необходимость» проявляется в отношении субъекта к предикату как *основания к следствию*, и отсюда для силлогизма принципиально, что «основание основания есть основание следствия» [20, р. 291]. И в конце следует «неутешительный» вывод: «И здесь видна явная путаница: очевидно, что не термины, а только высказывания сами по себе могут быть основанием или следствием чего-либо еще (а именно, других высказываний). Едва ли таким путем можно охарактеризовать какие-либо предполагаемые *внутренние* структурные отношения общие *всем* высказываниям. Однако фундаментальная слабость этой работы состоит в авторском соучастии в подержании современного мифа состоящего в том, что философские дискуссии о логике ограничиваются всего лишь различными разделением границ между аналитическим и синтетическим. Теперь уже должно быть ясно, что это даже не начало сражения. «Аналитическое» и «Синтетическое» не орудия, а всего лишь ярлыки, навесив которые можно объявить о диспуте даже без освящения поставленных проблем» [20, р. 291]. Как мы видим, дискуссия о природе аналитических и синтетических суждений для Лосского продолжалась. Но к середине века в представлениях об их статусе произошли определенные изменения. А точнее под влиянием крупнейшего и одного из самых влиятельных философов аналитиков – У.В.О. Куайна, проблема аналитических и синтетических суждений была признана если не псевдо проблемой, то, по крайней мере, не имеющей отношения ни к логике, ни к математике. Произошло это после того, когда в своей работе «Две догмы эмпиризма» (1951) он показал что невозможно дать четкие и формальные

критерии для разграничения аналитических и синтетических суждений.

Тем не менее, указанная работа не поставила окончательной точки в истории дискуссий о природе аналитического/синтетического. Что, по нашему мнению, вполне закономерно, так как образ логики в течении XX века не просто менялся. На всем его протяжении происходит интенсивное взаимодействие и столкновения различных образов логики. А как мы пытаемся показать, то или иное представление о статусе и дихотомии аналитических и синтетических суждений существенным образом зависит от того образа логики⁵ который осознанно или неосознанно принимается данным мыслителем. Более того соотношение, взаимодействие и столкновение различных образов логики определяет динамику развития тех идей, которые лежат в основе зарождения и эволюции отдельных логических теорий, и, соответственно определяют структуру и уровень развития рациональности общества. Но прежде чем снова вернуться к взглядам Куайна, попытаемся немного подробнее рассмотреть историю данной проблемы.

Данная проблема впервые в явном виде формулируется философами Нового времени, как например, у Д. Юма в виде дихотомии истин основанных на «отношениях между идеями» и истин основанных на фактах [19, с. 21], или же более известного у логиков учения Г.В. Лейбница об «истинах разума» и «истинах факта». Конечно, в истории логики именно концепция Лейбница сыграла наиболее существенную роль. По мнению Лейбница, все истины аналитические. И любое доказательство - это такое «разложение» субъекта суждения, которое показывает, что в субъекте содер-

⁵ О понятии «образ логики» и методологии историко-логических исследований основанных на понятии этом см. [2, сс.15-18], [11], [13], [14] и [15].

жится предикат данного суждения. Но если истины разума доказуемы за конечное количество шагов, то истины факта невозможно доказать подобным образом, поскольку их доказательство может потребовать бесконечное число шагов в «разложении» субъекта. Они могут быть получены нами только эмпирически на основе закона достаточного основания. Это истины нашего действительного мира. Истины разума – аналитичны, это истины во всех возможных мирах. Однако, по мнению Лейбница, для «бесконечного разума», Бога все истины даны сразу и непосредственно, поэтому он не обязан, в отличие от нас, различать истины разума и факта, и они для него все аналитические. Именно в этом смысле по Лейбницу все истины аналитические, по крайней мере, для этого «бесконечного разума».

И. Кант в своей критической философии попытался преодолеть пропасть между эмпиризмом и рационализмом в философии Нового времени, сохранив и обосновав при этом идеалы и принципы рациональности, сформировавшиеся в эпоху просвещения. По мнению Канта, существуют определенные априорные структуры сознания, которые упорядочивают и систематизируют все данные чувственного (интуитивного) познания. Поэтому на один из центральных вопросов философии Нового времени – Как возможны достоверные необходимые суждения?, по Канту, следует ответить следующим образом – не все истинные суждения сводимы к аналитическим. Кант, так же как и Лейбниц разделяет все суждения аналитические и синтетические. Истинность аналитических суждений можно определить путем логического анализа, синтетических с помощью эмпирической проверки. Однако, по Канту существуют априорные синтетические суждения, истинность которых определяется не эмпирическими данными, а априорной структурой сознания.

Таковы математические суждения, которые опираются на чистые формы чувственности, и суждения теоретического естествознания, опирающиеся на априорные структуры возможного опыта.

Прошло почти два века, и дискуссия о статусе аналитических и синтетических суждений вспыхнула с еще большей силой. Он пришелся на начало XX века, когда логику и математику потрясли поистине революционные изменения. В спор по основаниям математики вступили почти все основные представители трех основных направлений в основаниях математики, и не только они. И тогда взгляды Лейбница и Канта на дихотомию аналитического/синтетического знания оказался под пристальным вниманием и критическим рассмотрением. К примеру, одна из самых острых дискуссий о природе математического и логического знания состоялась между французским логиком и математиком *Луи Кутюра* и великим французским математиком *Анри Пуанкаре*. Кутюра был приверженцем логицизма и логического позитивизма. В своей книге «Философские принципы математики» (1912) он пытается обосновать основной тезис логицизма о том, что все математические истины аналитические, и сводимы к основным логическим законам. В ней Кутюра поместил обширное приложение под названием «Кантова философия математики», где он горячо защищает идею Лейбница об аналитичности истин, и так же резко критикует кантовские априорные синтетические суждения в математике⁶. В отличие от Кутюра Пуанкаре полностью не разделял положения ни одного из

⁶ Интересно, что основатель логицизма *Готтлоб Фреге* также критикует Канта за «ошибку», которую тот допустил, предположив существование априорные синтетические суждения. По его мнению, все истины арифметики в отличие от геометрии аналитические. Однако, когда в его системе обнаружились парадоксы, он попытался построить математику уже на основании геометрии.

трех основных направлений в основаниях математики, ни какой-либо из известных философских теорий. Он создал собственную философскую концепцию, ныне известную под названием конвенционализма. Согласно конвенционализму Пуанкаре выбор базовых принципов любой науки обусловлен с одной стороны требованиями простоты, а с другой ее прагматическим использованием, но главное требование – это ее непротиворечивость. Тем не менее, даже в рамках этих требований выбор может быть произвольным и зависит только от согласия, конвенции научного сообщества. Это происходит потому, что никакое познание мира не может происходить без активного участия нашего сознания. И этом мысль Пуанкаре вполне согласуется с кантовской. Более того, он утверждает существование априорных синтетических суждений в математике. Так, критикуя формальный метод доказательства *Давида Гильберта*, он указывает на то, что там неизбежно применяются рекурсивные определения, что не что иное как использование полной индукции: «Итак, рассуждение Гильберта не только предполагает принцип индукции, но оно предполагает вдобавок, что этот принцип нам дан не как простое определение, а как синтетическое суждение a priori» [12, с. 127]⁷. Полемика Кутюра и Пуанкаре вышла в России в 1915 году отдельным сборником «Математика и логика». Но, в именно в это же время продолжались дискуссии Введенского и Лосского о природе логики, и в том числе и о дихотомии аналитическое/синтетическое. И, тем не

⁷ Не лишне будет отметить, что и современная философия математики не обходится без рассмотрения проблемы синтетических априорных суждений. Так, например, с точки зрения прагматического взгляда на сущность математики и в рамках «задачного подхода», Ю.Л. Ершов и К.Ф. Самохвалов в своей монографии утверждают, что сам характер математической деятельности приводит к появлению априорных синтетических суждений. Подробнее см. [5, с. 26- 40].

менее, ни тот, ни другой просто не заметили, что в философии математики также идет напряженная полемика по тому же вопросу!

Тем не менее, концепция неопозитивизма казалась гораздо более ясной и четкой. А критика Канта не менее убедительной. Рассмотрим аргументацию *P. Карнапа*, по поводу деления суждений: «все аналитические утверждения, несомненно, априорны. Но теперь возникает важный вопрос: совпадает ли граница между априорным и

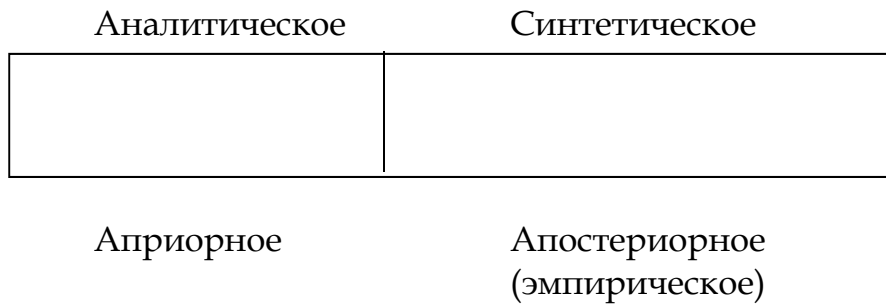

Рис. 18-1.

апостериорным с границей между аналитическим и синтетическим? Если эти две границы совпадают, то они могут быть изображены так, как показано на рис. 18-1. Но возможно, что эти пограничные линии не совпадают. Линия между априорным и апостериорным не может лежать левее границы между аналитическим и синтетическим (потому что все аналитические утверждения являются также и априорными), но она может лежать правее, как показано на рис. 18-2. Если это так, то существует промежуточная область, где синтетическое частично перекрывает априорное.

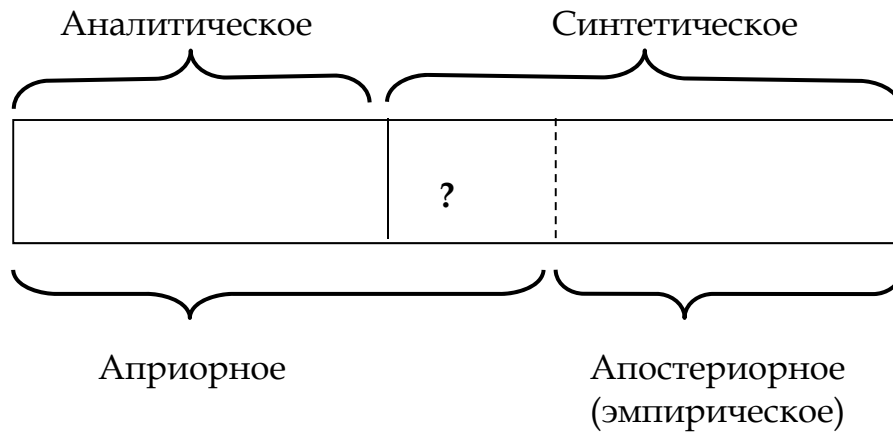

Рис. 18-2.

Такова точка зрения Канта. Он утверждал, что существует область познания, которая одновременно является и синтетической и априорной. Такое познание является синтетическим, поскольку оно что-то говорит о мире. В то же время оно априорно, потому что его достоверность может быть установлена способом, не требующим обоснования с помощью опыта. Существует ли такая область познания? Это — один из наиболее спорных вопросов в истории философии науки. Действительно, как однажды заметил Мориц Шлик, эмпиризм можно определить как точку зрения, которая отрицает существование синтетического априорного знания ... Для Канта геометрия была одним из основных примеров синтетического априорного знания ... С современной точки зрения положение выглядит совершенно иначе. Нельзя порицать Канта за его ошибку, потому что, неевклидова геометрия в то время не была еще открыта ... Сегодня легко увидеть источник ошибки Канта. Он состоит в недостаточном уяснении того, что имеются два существенно различных вида геометрий: одна — математическая и другая — физическая ... Теория относительности сделала ясным для всех, кто ее понимает, что, если геометрия

рассматривается в этом априорном смысле, она ничего не говорит о действительности. Невозможно никакое утверждение, которое сочетало бы логическую достоверность со знанием геометрической структуры мира» [6, с. 241-250]. Аргументация, основанная на достижениях современной науки, действительно казалась окончательно поставила точку в проблеме аналитическое/синтетическое. А неопозитивизм, в известном смысле, стал ведущим философским направлением впервые десятилетия XX века. Его девизом стали слова Карнапа: «Именно в отказе от возможности синтетического познания *a priori* и заключается основополагающий тезис современного эмпиризма. Научное миропонимание знает лишь предложения опыта о всевозможных предметах и аналитические предложения логики и математики» [7, с. 65].

Но именно концепция дихотомии аналитических и синтетических суждений стала ахиллесовой пятой неопозитивизма. Сокрушительный удар по ней был нанесен Куайном в уже упомянутой статье «Две догмы эмпиризма». По его мнению, даже отдельное высказывание само по себе не имеет значения. Осмысленное значение приобретает только система высказываний некоторой теории, которую уже можно соотносить с действительностью, чтобы проверить ее истинность. Показав, что не существует никаких формальных критериев для различения аналитических и синтетических высказываний, и прежде всего для определения синонимии и взаимозаменяемости, он предложил заменить жесткую дихотомию аналитическое/синтетическое на подвижную – периферийная часть теории/центральная часть теории. Он пишет: «Вся совокупность наших так называемых знаний или убеждений, начиная от самых случайных фактов ... и заканчивая глубочайшими законами ... это сооружение, созданное человеком, которое только краями со-

прикасается с опытом. Или, говоря образно, вся совокупность науки подобна силовому полю, пограничными условиями которого является опыт. Конфликт с опытом на периферии ведет к изменениям внутри самого поля. Должны перераспределяться истинностные значения значения некоторых из наших высказываний ... Но поле в целом так не определено своими пограничными условиями, опытом, что есть достаточно широкий выбор относительно того, какие высказывания следует переоценить в свете любого единичного противоречащего опыта. Никакой отдельный опыт не связан с какими-то отдельными высказываниями внутри поля, кроме как косвенно, из соображений равновесия, влияющего на поле как целое» [8, с. 75]. Таким образом, жесткое деление высказываний на аналитические и синтетические размывается, релятивизируется. Те из них, которые ближе всего к центру теории будут аналогом аналитических, а те которые ближе к периферии могут служить аналогом синтетических. Таким образом, если логические позитивисты попытались «покончить» с кантовскими синтетическими суждениями априори, то некоторые аналитики в конце концов приходят к выводам, сходным с идеей Лосского, правда и по совсем другим основаниям, о том, что «вообще не существует аналитических суждений, если аналитическое употребляется в узком (но ясном!) смысле...» [10, с. 167].

Однако, не будет ли сама концепция Куайна защищена от подобной же критики? Вот как считает *Е.Г. Драгалина-Черная*: «Мне представляется ... что метод, применяемый Куайном для критики традиционной дихотомии аналитических и синтетических суждений, может быть распространен на его собственную дихотомию «центра» и «периферии»» [4, с. 44]. Скептицизм же Куайна в вопросах обоснования логики, и в частности дихотомии аналитического и синтетического ока-

зывается преодолимым путем более тонкой и четкой методологией, разработанной замечательным российским логиком *Е.Д. Смирновой*. Она пишет: «Суждений, аналитических независимо от правил интерпретации языка не существует. Аналитическое знание есть «накопленное» знание о мире, закрепленное в определенной языковой системе посредством ее структуры и постулатов... Не всякое теоретическое, необходимое знание является аналитическим. Аналитический характер имеет такое теоретическое знание, которое закреплено, фиксировано в системе. Только в процессе формирования определенной структуры знания, закрепляемой в структуре языка системы, определенные положения приобретают аналитический характер в этой системе ... Деление суждений на аналитические и синтетические правомерно. Это деление носит относительный характер, т.е. определенное суждение будет аналитическим или синтетическим лишь относительно определенной языковой системы с данной семантикой. О суждении, взятом вне той или иной семантической системы, бессмысленно спрашивать, аналитическое оно или синтетическое ... Проблема аналитических и синтетических суждений определенной семантической системы – это проблема «упорядочения», классификации нашего знания. Этим в конечном счете и обусловлено деление на аналитические и синтетические суждения, и вне определенной, упорядоченной системы знания, закрепленной в языке, такое определение неправомерно» [17, с. 108 - 109]. Таким образом, деление на аналитические и синтетические суждения оказывается не просто правомерным, но и необходимым, тогда когда мы работаем внутри некоторой уже принятой логической системы, если мы хотим чтобы система работала эффективно в пределах своих задач и возможностей. И в этом смысле логико-семантическая теория *Е.Д. Смирновой* во многом

сходна с концептуальным прагматизмом И.К. Льюиса. А также существенным образом подтверждает нашу идею о зависимости того или иного представления о статусе и дихотомии аналитических и синтетических суждений от того образа логики, который явно или не явно принимается в определенной логико-философской концепции.

Однако, подведем пока предварительные итоги, уложив некоторый рассматриваемые в данной статье материалы в виде таблицы со схематически упорядочиванием различных представлений о статусе аналитических и синтетических суждений на базе понятия «образ логики»:

Образ логики	Эмпирическая	Психологизм	Не априорна, не аналитична, а индуктивна	Дж. С. Милль: Законы логики сводимы к общим принципам мышления Все суждения сводятся к единичным суждениям о фактах
		Интуитивизм	Не априорна, не аналитична, а объективна	Н.О. Лосский: Законы логики зависят от интуитивно данной действительности

				Все суждения синтетические
Формальная	Интенциональная	Априорное = Аналитическое	Г.В. Лейбниц:	Все истины аналитические
		Априорное ≠ Аналитическое	И. Кант:	Существуют априорные синтетические истины
	Эстенциональная	Априорное = Аналитическое	Р. Карнап:	Не существуют априорных синтетических истин
		Не априорна, и не аналитична	У.В.О. Куайн:	Невозможно провести границу между аналитическими и синтетическими высказываниями

Другой вопрос состоит в том, насколько сама проблема аналитического/синтетического знания поддается рациональной реконструкции в рамках исследований по истории логики? Поскольку применение «образной модели» в историко-логических исследованиях требует выделение его основных характеристик – параметров, которые и позволяют систематизи-

ровать соответствующий историко-логический материал тем или иным способом, выделяя различные, иногда и не совместимые пути развития логики. Но внутри каждого из них переход от одной логической концепции может определяться также различным образом. Поэтому возможны новые способы представления истории логики – линейный и нелинейный, синтетический и плюралистический, и т.д. В этом состоит преимущество «образного» подхода в методологии истории логики. Однако выбор параметров «образа» логики целиком субъективен и существенным образом зависит от понимания исследователем историко-философского контекста исследуемого материала. *Образной модели* можно противопоставить *поризматическую модель* в методологии истории логики, разработанную В.Н. Брюшинкиным на основе идей замечательного философа науки Б.С. Грязнова⁸. Однако, данный подход налагает очень жесткие условия на тот логико-исторический материал, который она призвана реконструировать. И, в силу его специфики, это может оказаться не просто очень сложной задачей, но и вообще невыполнимой. В своей монографии по истории логики Брюшинкин пишет: «Если удастся построить поризматическую модель, то мы достигаем в каком-то смысле предельно рационалистического историко-логического объяснения, если же не удастся, то мы можем воспользоваться образной стратегией. Однако наибольшим успехом историко-логического исследования будет объяснение конкретного события истории логики с точки зрения двух этих дополнительных принципов одновременно. Конечно, именно это является и предельно трудной задачей» [1, с. 157].

По нашему мнению исследование проблемы аналитических/синтетических суждений может быть

⁸ Подробнее о поризматической модели в истории науки и истории логики см. [3] и [1, с.12-31].

хорошей иллюстрацией подобного «синтетического» подхода, поскольку по нашему мнению она не поддается реконструкции с помощью поризматической модели и, подобного рода исследование может опираться только на философские интерпретации логических концепций. Тем не менее, как нам представляется, близко связанный с проблемой аналитического/синтетического вопрос о появлении и явной формулировке *принципа экстенциональности* в математической логике может быть представлен с помощью поризматического подхода. Поэтому в заключение мы приведем еще одну цитату из Брюшинкина: «Ответы на эти вопросы – дело будущих исследований. Но уже сейчас ясно, что применение поризматической и образной моделей к конкретным событиям истории логики позволяет ставить нетривиальные вопросы, которые свидетельствует о плодотворности установления отношения дополнительности между основанными на них исследовательскими стратегиями» [1, с. 157].

Список литературы

1. Брюшинкин В. Н., Ходикова Н. А. Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.
2. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
3. Грязнов Б. С. Принципы рациональной реконструкции в истории науки и истории философии // Грязнов Б. С. Логика. Рациональность. Творчество. М.: Наука, 1982.
4. Драгалина-Черная Е.Г. Семантическое обоснование логики: истоки и перспективы // Логическая семантика: перспективы для эпистемологии

- и философии языка. М.: Креативная экономика, 2011. С. 37 – 54.
5. *Ершов Ю.Л., Самохвалов К.Ф.* Современная философия математики: недомогания и лечение. — Новосибирск: «Параллель», 2007.
 6. *Карнап Р.* Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971.
 7. *Карнап Р., Ганн Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал («Познание»). Избранное. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 57-74.
 8. *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М., 2010.
 9. *Лосский Н.О.* Логика. Часть первая. Петроград: Наука и Школа, 1922.
 10. *Пап А.* Семантика и необходимая истина: Исследование оснований аналитической философии. М.: Идея-Пресс, 2002.
 11. *Попова В.С.* Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века. Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.
 12. *Пуанкаре А.* Математика и логика // *Пуанкаре А., Кутюра Л.* Математика и логика. М., 2007. С. 116-148.
 13. *Пушкарский А. Г.* О методологии истории логики // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С.204-213.
 14. *Пушкарский А.Г.* О специфике методологии истории логики в свете некоторых исторических аспектов дискуссий о природе аналитических и синтетических суждений // РАЦИО.ru. 2010. № 3. С. 139-149.
 15. *Пушкарский А.Г.* Методология истории логики: синтетический подход // Вестник Балтийского

- федерального университета им. Иммануила Канта. Вып.6. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2011. С. 25-34.
16. *Русские философы в Литве. Карсавин, Сеземан, Шилкарский* / Сост., подгот. к публ. и вступ. ст. В.И. Повилайтиса. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.
 17. *Смирнова Е.Д.* Аналитическая истинность // Методологические аспекты когнитивных процессов (Вычислительные системы, 172). Новосибирск: Институт математики им. С.Л.Соболева СО РАН, 2002. С. 74 – 134.
 18. *Хилл Т.И.* Современные теории познания. М.: «Прогресс», 1965.
 19. *Юм Д.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
 20. *Blake Ch. N.O. Lossky.* Analytic and synthetic propositions and mathematical logic. International Universities Press, Inc., New York 1953, 16 pp. // The Journal of Symbolic Logic, Vol. 19, No. 4 (Dec., 1954), p. 291.
 21. *Lewis C.I. N.O. Losskij.* Handbuch der Logik, autorisierte übersetzung von Prof. Dr. W. Sessemann. Leipzig u. Berlin. 1927 // The Journal of Philosophy, V.24 (1927), pp.665-667.
 22. *Lewis C.I.* An Analysis of Knowledge and Valuation. Illinois, 1946.
 23. *Lewis C.I.* Mind and World-Order. N.Y., 1958.

Об авторе

Пушкарский Анатолий Геннадьевич – ст. преподаватель каф. философии Российского государственного университета имени Иммануила Канта, pushcarskiy@mail.ru.

About author

Anatoly Pushkarsky, Assistant Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, pushcarskiy@mail.ru.